

Цэнь Цзибай не знал, был ли его старший брат в прошлой жизни в том месте случайно или заранее разведаль пристанище несчастных, но факт оставался: Цэнь Цюхэ там кого-то покалечил.

В прошлой жизни Цэнь Цзибая, когда молодой император пребывал в унынии на вершине власти, лишь один человек из всех сил отговаривал его принимать условия Юй Цунъюна.

Тот говорил, что Юй Цунъюн — человек с узким кругозором, и если Его Величество откроет ворота и сдастся, то не избежит печального конца. Многие знатные семьи Линъяна — основа царства Ся. Пока стоит Линъян, даже не под властью рода Цэнь, Ся обязательно возродится. Но Юй Цунъюн никогда не даст им такого шанса и, несмотря ни на что, не пощадит знать.

Цэнь Цзибай знал, что он прав, но к тому времени уже не нашлось бы никого, готового сражаться за своего правителя, да и сам он уже не мог бороться.

Бегство Цэнь Цзибая обрекло бы Линъян на кровавую резню, и даже если бы в будущем он сумел подняться, то нёс бы клеймо предателя, что помешало бы ему убедить уцелевших помочь ему.

Поэтому Цэнь Цзибай открыл ворота.

Тот человек, не павший от вражеских мечей, наверняка сторел в огне — его ноги не позволили бы убежать.

Звали его Ли Му, прозвище Цзыцянь.

Ли Цзыцянь происходил из бедной семьи, в молодости путешествовал по свету и был человеком широких знаний, но ему не везло...

Впрочем, в прошлой жизни Цэнь Цзибая никому из жителей Ся не везло.

Так или иначе, в двадцать один год, в дождливый день, он оказался в разрушенном доме за стенами Линъяна, где ютились бродяги, и там столкнулся с Цэнь Цюхэ, развлекавшимся там.

Ли Му чудом выжил, но Цэнь Цюхэ сломал ему обе ноги.

Позже, когда Цэнь Цюхэ поднял восстание на северо-западе, Ли Му стал его советником.

Ли Му был мстительным, и большая часть годных генералов Цэнь Цюхэ полегла по его вине. Однако тот всё равно доверял ему — возможно, из-за невероятного красноречия Ли Му.

Ли Му привёл остатки войск Цэнь Цюхэ к сдаче и считался одним из главных героев той войны. Линь Сюнь доставил его в Линъян, и Цэнь Цзибай пожаловал ему пост.

В этой жизни Цэнь Цзибай не собирался давать Цэнь Цюхэ шанса на мятеж. Единственная причина оставить того в живых — не дать умереть слишком легко. Кроме того, пока Цэнь Цюхэ был жив, Цэнь Цзибай ещё представлял ценность для Госпожи Чжоу, помогая ей бороться за милость.

Но он не собирался тянуть долго. Если бы Цэнь Цюхэ умер раньше времени, Ли Му лишился бы мести. Цэнь Цзибай хорошо понимал: для жаждущего отмщения невозможность совершить его — пытка. В конце концов, любой, кто попытался бы ему помешать, был бы обречён.

Поэтому, чтобы избавить Ли Му от подобного сожаления, Цэнь Цзибай решил не позволить

тому пострадать так сильно.

Разумеется, невредимым он не останется — Цэнь Цзибаю нужен был повод познакомиться.

Чтобы молитва была искренней, требовалось первым возжечь благовония в храме. Рано утром Цэнь Цзибай покинул Южные ворота и отправился в Храм Чистого Ветра на горе Мэй молиться за мать.

Проезжая мимо городской стены, он сидел в повозке, не глядя наружу. В этом месте, у южной части города, в душе у него засел холодный узел.

На обратном пути в дождь лошади устали, и они остановились на обочине. А Цзинь доложил, что видел, как Цэнь Цюхэ вошёл в разрушенный дом у дороги.

Цэнь Цзибай опустил занавеску и велел кучеру трогаться, надеясь, что удача не отвернётся от Ли Му и тот не станет первой жертвой.

На этот раз, под предлогом молитвы за Госпожу Чжоу, он взял с собой множество придворных и сотню гвардейцев. Процессия выглядела внушительно, и Цэнь Цзибай хотел, чтобы все знали о его благом деле.

Цэнь Цюхэ в последнее время был в скверном расположении духа.

Он жаждал досадить Сун Сяоси, но тот обычно находился в Чертоге Вэйлань, а Цэнь Цюхэ — в Великой академии.

Когда Сун Сяоси покидал дворец, то всегда был с Линь Сюнем. После занятий они отправлялись в дом Линь, а на следующий день Линь Сюнь отвозил его обратно в Чертог Вэйлань, прежде чем идти в академию.

Во время каникул Сун Сяоси был с Цэнь Цзибаем или Сун Чжияо...

Злоба Цэнь Цюхэ не находила выхода.

Он хотел досадить Цэнь Цзибаю, но тот был слишком умен, а Госпожа Чжоу — слишком осторожна.

Он хотел поиздеваться над Линь Сюнем, но в Великой академии тот привык к наказаниям, и переписывание текстов или стояние в углу было для него обыденностью, что делало затею скучной для Цэнь Цюхэ.

Учителя боевых искусств скорее наказали бы самого Цэнь Цюхэ, ведь они благоволили Линь Сюню.

Цэнь Цюхэ был в дурном настроении и жаждал кого-нибудь избить. Во дворце он не мог делать этого открыто, поэтому выходил за пределы. В самом Линъяне тоже было неудобно, вот он и отправлялся за город. Бродяги и нищие, их жизнь и смерть никого не волновали. Без них Линъян стал бы лишь чище.

Цэнь Цюхэ разведal, что в двадцати ли к северу от ворот есть пристанище для нищих, и в день академических каникул отправился туда.

Там было около десятка нищих, включая нескольких совсем юных. Цэнь Цюхэ больше всего любил слушать, как маленькие дети кричат от боли, — их голоса были такими звонкими.

Он занёс кнут для удара.

Цэнь Цюхэ вышел из дворца с многочисленной свитой, все выглядели внушительно.

Измощённые, слабые бродяги, годами не знавшие сытости, не могли сопротивляться. Увидев их, те уже в страхе сжались в углу.

Однако удар Цэнь Цюхэ, который должен был обрушиться беспрепятственно, остановил человек, схвативший кнут.

— Господин, чем мы провинились? За что вы сразу принялись бить? — спросил тщедушный на вид учёный, довольно милостивый, но слишком худой, с выступающими скулами.

Поскольку он схватил кнут рукой, та уже истекала кровью, капли падали на землю, словно дождевые струи снаружи.

Учёный говорил спокойно, с достоинством. Он видел множество бесчестных поступков знати и знал, что гнев бесполезен. Разозлишь пришедших — бродягам достанется ещё сильнее.

Цэнь Цюхэ оглядел его и фыркнул.

— Хочешь выжить — не лезь. — Этот человек смотрелся прилично. Отправить его в Павильон Весеннего Аромата, привести в порядок — убивать такого было бы жаль.

— Здесь лишь несчастные, господин, к чему вам с нами ссориться? — продолжил учёный. — Если у вас есть обида, возможно, я, Ли Му, смогу помочь её разрешить?

Цэнь Цюхэ разозлился от его слов, раздражение вышло из-под контроля.

— Я сказал, не лезь! Ты глух? — Затем он крикнул слугам:

— Бейте его!

Он попытался вырвать кнут, но учёный, схвативший его, пошатнулся и рухнул на землю. Несколько слуг окружили его и принялись избивать. А Цэнь Цюхэ занёс кнут над маленькими нищими.

Цэнь Цзибай, ещё находясь вдалеке, услышал эти крики. Он приказал кучеру гнать быстрее и, подъехав к развалинам, увидел внутри ужасную сцену: несколько слуг стояли у входа, другие избивали человека на полу, а в углу несколько малолетних нищих сбились в кучу под ударами кнута Цэнь Цюхэ.

— Прекратите! — Цэнь Цзибай выпрыгнул из повозки.

Увидев его, Цэнь Цюхэ буркнул проклятие. Он бы с радостью втянул и третьего брата в расправу, но тот привёл слишком много людей.

— Что, третий брат тоже пришёл укрыться от дождя? — Цэнь Цюхэ убрал кнут и рявкнул на нищих:

— Вы посмели занять место моего брата? Грязное отродье, прочь отсюда!

Те, кто мог, бросились бежать.

— Подождите, — сказал Цэнь Цзибай. — В такую погоду, куда вы их прогоняете?

Он едва сдерживал ярость. Выходило, все злодеяния Цэнь Цюхэ — лишь чтобы освободить ему место?

— У вас же есть повозка, почему бы вам не уступить нам?

Цэнь Цюхэ усмехнулся.

— Конечно, конечно. Не знал, что ты, помимо дружбы с бешеными псами, ещё и грязных собак жалеешь.

Он плюнул на землю и ушёл со своими людьми.

— А Цзинь, отправляйся в город за лекарями, возьми побольше снадобий для ран. А Инь, принеси им еды.

Распорядившись, Цэнь Цзибай наконец смог разглядеть, кто из них Ли Му. Остальные боялись его и не смели пошевелиться, никто не помогал лежащему. Цэнь Цзибай всмотрелся в его лицо, не зная, не опоздал ли, и спросил:

— Ногу повредил?

<http://bllate.org/book/15933/1423977>